

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 868–878, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-868-878

Антиколыбельная песня Егора Буджалова в аспекте пародии Морхаджи Нармаева: «Өдгэ цага саатулин дун» — «Буджала Егор залуд»

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Ханинова Р. М., 2021

Аннотация. *Введение.* В калмыцкой поэзии XX в. жанры колыбельной песни и стихотворной пародии малоизучены. Возникнув в конце 1920-х — начале 1930-х гг., они развивались в основном в границах столетия. Заявленные в жанровом отношении эксплицитно или имплицитно, такие произведения калмыцких поэтов ориентировались прежде всего на русскую литературную традицию. Введенные в научный оборот, эти стихотворения расширяли жанровую парадигму калмыцкой поэзии в межкультурном диалоге. *Актуальность и новизна* данной статьи определена изучением двух новаторских произведений Егора Буджалова и Морхаджи Нармаева в единичных жанрах антиколыбельной песни и сатирической пародии как литературной полемики современников 1990-х гг. *Цель* — введение в научный оборот малоизвестных стихотворений двух поэтов, представляющих новые образцы жанров. *Материалы и методы.* Материалом для исследования стали «Өдгэ цага саатулин дун» («Современная колыбельная песня», 1991) Е. Буджалова и «Буджала Егор залуд» («Мужчине Егору Буджалову», 1991) М. Нармаева, опубликованные в республиканской газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда»). Историко-литературный и реальный комментарий, сравнительно-сопоставительный и герменевтический подходы позволили рассмотреть избранные произведения в контексте литературного, общественно-политического, идеологического, социального процессов накануне распада СССР, а также в аспекте биографических данных этих калмыцких поэтов разных поколений, определить их мировоззренческие позиции и авторские интенции в анализируемых текстах. *Результаты.* Изучение указанных произведений доказало их новаторский характер в создании колыбельной для взрослых, антиколыбельной песни и сатирической пародии, имеющих единичные образцы в этом направлении, поскольку колыбельная песня в калмыцкой поэзии была в основном адресована младенцу, а пародия имела дружелюбный характер. Авторы продемонстрировали полярные взгляды на современную действительность 1980–1990-х гг.: с одной стороны, критика, с другой — защита социализма, коммунистиче-

ских идей. *Выводы.* Стихотворение Е. Буджалова создано на стыке жанров колыбельной песни для детей, колыбельной песни для взрослых, антиколыбельной песни, так как формульный припев (баю-бай), выполняющий функцию маркера жанра, в данном случае имеет противоположный посыл, вступающий в противоречие с ироническим мотивом усыпления: наоборот, просыпайтесь, не спите, действуйте. У М. Нармаева стихотворение в диалоге с современником также являет синтез жанров: послание, открытое письмо в стихотворной форме, сатирическая пародия. При этом в последнем случае жанр пародии трансформируется, когда автор пародирует не столько авторский стиль, сколько авторские интенции на тему современной советской действительности. Традиция такой литературной полемики не была продолжена в калмыцкой поэзии.

Ключевые слова: литературная колыбельная песня, литературная антиколыбельная песня, сатирическая пародия, трансформация жанра, калмыцкая лирика XX века

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Антиколыбельная песня Егора Буджалова в аспекте пародии Морхаджи Нармаева: «Өдгэ цага саатулин дун» — «Буджала Егор залуд» // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (4). С. 868–878. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-868-878

‘Ödgä tsaga saatulin dun’ — ‘Budzhala Yegor zalud’: Yegor Budzhalov’s Anti-Lullaby and Morkhadzhi Narmaev’s Parody

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khaninova R. M., 2021

Abstract. Introduction. So far, the genres of lullaby and poetic parody in the Kalmyk poetry of the twentieth century have not attracted much attention. Born in the late 1920s — early 1930s, the tradition was short-lived. While their genres were explicitly or implicitly marked, the works of Kalmyk poets in question were primarily oriented towards the Russian literary tradition. However, they expanded the genre paradigm of Kalmyk poetry in the intercultural dialogue. The relevance and novelty of the article is apparent, granted its focus on the two innovative works by Egor Budzhalov and Morkhadzhi Narmaev; these are single works that belong to the genres of anti-lullaby and satirical parody as part of the 1990s literary polemics of the contemporaries. This article *aims* to introduce these little-known poems of the two poets as representative of their contributions to the genres. *Materials and methods.* The sources for the study, Budzhalov’s “Ödgä tsaga saatulin dun” (“Modern Lullaby Song”, 1991) and Narmaev’s “Budzhala Yegor zalud” (“To the man Yegor Budzhalov”, 1991), were published in the local newspaper *Khalmg ünn*. The study of historical-literary milieu and realia, comparative-contrastive and hermeneutic approaches were employed to examine the poetic pieces in the context of literary, socio-political, ideological, and social processes on the eve of the country’s collapse; also, the biographical data of the poets that belong to different generations was helpful in the analysis of their ideological positions, as well as the authorial voices in the texts under study. *Results.* The study shows the innovative character of the poets’ efforts at creating a lullaby for adults, or an anti-lullaby song, and a satirical parody; these were to remain single samples, granted that the Kalmyk lullabies are mainly addressed to infants, and parodies are of a friendly character. Their works reflect the authors’ polar views on the realities in the 1980s and 1990s: criticism, on the one hand, and the defense of socialism, communist ideas, on the other hand. *Conclusions.* Budzhalov’s poem may look like a lullaby for children at first sight while, in fact, it is a lullaby for adults or rather an anti-lullaby, with the formulaic chorus *baiu bai*, a marker of the genre, acquiring in his piece the opposite message:

wake up, do not sleep, act. Narmaev enters the dialogue with his younger contemporary, his poem also representing a synthesis of genres: a message, an open letter in verse, and a satirical parody. However, his parody is also transformed when the author parodies not so much his fellow poet's style but the authorial implications concerning the Soviet reality. The tradition of literary polemics was not continued in Kalmyk poetry.

Keywords: literary lullaby, literary anti-lullaby, satirical parody, genre transformation, Kalmyk lyrics of the twentieth century

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Khaninova R. M. 'Ödgä tsaga saatulin dun' — 'Budzhala Yegor zalud': Yegor Budzhalov's Anti-Lullaby and Morkhadzhi Narmaev's Parody. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 868–878. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-868-878

Введение

Калмыцкая литературная колыбельная песня не была объектом и предметом исследования в отечественном литературоведении, за исключением статей Р. М. Ханиновой [Ханинова 2000а; Ханинова 2000б]. По мнению исследователя, в калмыцкой лирике колыбельная песня обычно адресована младенцу / ребенку, но развивалась она на периферии жанровой системы национальной литературы и не имела широкого распространения как в прошлом, так и в новом веке. Если народная колыбельная песня отличается в общем импровизационным характером, то литературная, часто следуя за фольклорным аналогом, отвечает требованиям стихотворного жанра в аспекте заголовочно-финального комплекса (ЗФК), поэтики, версификации, разнообразной адресации [Ханинова 2000а: 190]. Обращение калмыцких поэтов к жанру колыбельной песни носило эпизодический характер, отразило влияние фольклорной калмыцкой и русской колыбельной песни, в том числе национального стихосложения.

Термин «колыбельная песня» в калмыцком языке имеет несколько обозначений, образованных при помощи существительных «люлька, колыбель» ('бүүвэ', 'дүүжн', 'өлгэ'), «песня» ('дун') и глагола «убаю-кивать» ('саатулх') [КРС 1977: 131, 221, 414, 214, 434]; в итоге — прилагательное + существительное: *бүүвэн дун*, *өлгэн дун*, *дүүжнгин дун*, *саатулин дун*. По-калмыцки понятие «младенец» передается разными способами: 1) *нилх* — новорожденный; младенческий; 2) *нилх бичкн* — новорожден-

ный ребенок [КРС 1977: 378]; в том числе *нилх куукн* — дитя.

Согласно современной формулировке, «колыбельная — песня, адресованная младенцу, находящемуся в состоянии перехода, и функционально направленная на его завершение» [Головин 2000а: 13]. Калмыцкая колыбельная песня, как и в фольклоре других народов, выполняла несколько функций: «функцию успокоения-усыпления, охранительную, прогностическую и эпистемологическую. Реализация данных функций в контексте традиционного мировоззрения обеспечивает как этапное, так и целостное „завершение“ переходного состояния — сон и выход адресата жанра из „переходно-опасного“ статуса в благополучное будущее» [Головин 2000а: 14]. Для колыбельной песни характерны следующие особенности: фабула сна и роста, основные мотивы сна-роста, благополучного будущего, отношения к адресату, утверждения сна, «все спят, и ты спи», маркировки адресата, мотивы колыбели, качания, семьи, рода, страны, природы, божественных покровителей, дарения и др. [Головин 2000а: 22].

Эти сущностные признаки относятся и к литературной колыбельной песне, особенно к периоду ее становления.

Первые колыбельные песни в калмыцкой лирике 1920–1940-х гг. соответствовали советской колыбельной песне в идеологических, агитационно-пропагандистских целях: «Өлгэн бичкн куукдт» («Младенцу в колыбели», 1928) Аксена Сусеева (1905–1995), «Нилх үрндэн» («Младенцу», 1938) Церена Леджинова (1910–1942), «Өлгэн

күүкдт» («Младенцу», 1940) Гари Шалбурова (1912–1942).

Определенный социально-политический аспект обнаружен и в колыбельных песнях 1960-х гг. — «Саатулын дун» («Колыбельная песня», 1960) Тимофея Бембеева (1930–2003), «Өлгэн дун» («Колыбельная песня», 1963) Михаила Хонинова (1919–1981), «Унтыч, күүкм, өсич» («Спи, мое дитя, расти», 1968) Эрнеста Тепкенкиева (1929–2017) и др. [Ханинова 2000а].

При этом политический контекст песен 1920–1940-х гг. и 1960-х гг. равнозначен в манифестации советских мифов о Большой семье, а также о советской стране с мотивом покровительства и охраны детей, о которых заботится родина.

«Колыбельная может видоизменяться под воздействием исторической эпохи и идеологии, но не терять при этом своей сущностной, архетипической основы», — отмечает современный исследователь [Головин 2000а: 377–378].

В последующем литературная колыбельная песня вновь возвращается к своему жанровому архетипу, к частному, интимному, а не общественному, публичному в политическом контексте, но, тем не менее, имеет расширенный адресат, как детский, так и взрослый — читательский, поскольку не обладает прагматической функцией качания-убаюкивания, которая подразумевается в жанровом архетипе.

Среди них колыбельные песни «Дүүжгин дун» (1974) Владимира Нурова (г. р. 1938), «Саатул» («Колыбельная», 1980) Боси Сангаджиевой (1918–2001), «Увлин салькн» («Зимний ветер», 1982) Анджи Тачиева (1920–1993), «Саатулын дун» («Колыбельная песня», 1994) Алексея Балакаева (1928–1998), «Саатулын дун» (1987) Морхаджи Нармаева (1915–1993), «Саатулын дун» (1989) Василия Чонгонова (г. р. 1958), «Өлгэн дун» (1994, 2004) Николая Санджиева (1956–2020), «Саатул» («Колыбельная», 2000), «Саатулын дун» (2014) Веры Шуграевой (г. р. 1940) и др. [Ханинова 2000а; Ханинова 2000б].

«Өдгэ цага саатулин дун» Егора Буджалова как антиколыбельная песня

Исследователи отмечают, что жанр литературной колыбельной песни, эволюцио-

нируя на протяжении двух столетий, существенно видоизменился: не только утратил многие изначально значимые для него признаки, но и вообрал в себя черты других жанров [Тихомирова 2012: 368].

«Принципиальное открытие литературной традиции — возможность адресовать колыбельную не только ребенку» [Головин 2000в: 46]. Так, в колыбельной песне поэтов, помимо обычного адресата, появилась адресация к самому себе (например, Н. Некрасов, И. Бродский, О. Седакова, Р. Гамзатов), к другу (например, О. Берггольц), к возлюбленной (например, А. Толстой, А. Кушнер), к неодушевленным объектам (например, А. Фет) и др., т. е. стали колыбельными для взрослых, в том числе возникли антиколыбельная (например, Е. Мнацаканова), пародия на колыбельные песни (например, Н. Некрасов, Д. Минаев), как указывают В. В. Головин, В. Б. Меркурьева и др. [Головин 2006; Меркурьева 2015; Тихомирова 2012; Гасанов, Акавов 2011; и др.].

По мнению В. В. Головина, «появление „антиколыбельной“ песни можно рассматривать как предел одной из линий развития жанра <...>, „антиколыбельный“ мир строится на оппозициях к инвариантной модели жанра, то есть в конце жанровой истории воссоздается ее начало, хотя и в „перевернутом“ виде» [Головин 2000в: 53].

В калмыцкой лирике такие примеры единичны. Это «Өдгэ цага саатулин дун» («Современная колыбельная песня», 1991) Егора Буджалова (1929–2009), опубликованная в республиканской газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») [Буджала Е. 1991: 1]. По типу — это, во-первых, колыбельная для взрослых, во-вторых, это антиколыбельная песня, в-третьих, тут же она вызвала пародию Морхаджи Нармаева (1915–1993) «Буджала Егор залуд» («Мужчине Егору Буджалову», 1991) [Нармин М. 1991: 4].

Для сравнения напомним, что ранее по этому была написана колыбельная песня для детей «Баю-бай» [Буджала Е. 1992: 23–24; 2005: 25], где использован русский маркер «баю-бай» несмотря на то, что есть калмыцкий *бүүвэ, бүүвэ*.

В ранней буджаловской песне название «Баю-бай» дано по-русски. В самом тексте начало каждого из четырех куплетов тоже маркировано: «Баю-бай, баю-бай». Первый

куплет вводит мотив «все хотят спать, и ты спи»: *Баахн зуур амрихай, / Баавань цуцрад таржана, / Бас унтхар седжэнэ* ‘Давай немного отдохнем. / Мама устала, / Тоже хочет спать’¹ [Буджала Е. 2005: 25]. Второй и третий куплеты, тоже начинаясь с призыва отдохнуть, развивают мотив «все спят, и ты спи»: *Туула кичгүд унтихана, / Тедн зүүд үзцхэнэ. <...> Хөөнэ хурһд цуцржэ, / Цугтан унтхар кевтихэжэ* ‘Зайчата спят, / Они видят сны. <...> Ягнята, устав, улеглись спать’ [Буджала Е. 2005: 25].

Мотив будущего, не столь отдаленного, проецирован на завтрашний день: *Мадн эрт босхмн, / Мадн ээждэн одхмн* ‘Мы рано встанем, / Мы пойдем к бабушке’ [Буджала Е. 2005: 25]. Короткий припев с незначительным изменением завершает каждый куплет: *Нэ, унт, унт, унт, / Сээхн юмн энти! <...> Нэ, нүдэн, нүдэн ань, / Сээхн юмн энти! <...> Унтыч, хээмнь, унтыч, / Сээхн юмн энти!* ‘Ладно, спи, спи, спи, / Это хорошо! <...> Ладно, глаза, глаза закрой, / Это хорошо! <...> Засыпай, милый, засыпай, / Это хорошо!’ [Буджала Е. 2005: 25]. В этой песне связь поколений показана на семейном уровне: мать — ребенок — бабушка.

Введение формулы-маркера «баю-бай» в название и текст обусловлено не столько экспериментом, сколько, видимо, невниманием к калмыцкому эквиваленту. Это подтверждает редкое обращение калмыцких поэтов к маркеру *бүүвэ*. Музыку к буджа-

ловской колыбельной написал композитор Борис Уджаев [Буджала Е. 1992: 23–24].

Отнести новый буджаловский текст к колыбельной для взрослых позволяет его адресация: это обращение не к младенцу, а к взрослому. Причем не к единственному, а к множеству. И не к знакомым людям, а в масштабе страны. Таким образом, пространство такой колыбельной из локального перерастает в глобальное, несмотря на то, что произведение создано на родном языке, оно до сих пор не переведено на русский язык, не вошло в авторские сборники по неизвестным теперь причинам (авторский отказ от републикации, цензура и т. п.).

Название и содержание стихотворения Е. Буджалова определено современной действительностью России середины 1980-х — начала 1990-х гг., этим фактором вызван его политико-идеологический, социально-общественный, сатирический вектор.

Мотив убаюкивания, характерный для обычной колыбельной песни, здесь имеет иронический аспект: расхождение между словом и действием, когда риторика власти в идеологическом плане должна была успокоить (усыпить) граждан. Автор же призывает взрослых людей обеспокоиться, проснуться для понимания и действия. Все это позволяет отнести произведение к антиколыбельной песне.

Приведем стихотворение полностью (курсив наш).

*Баю бай, баю бай,
Бичэ икэр өврцхэй.
Коммунистр зовжана,
Күндэн гееһэд түржэнэ.*

*Баю бай, баю бай,
Бүсэн чаңһар бүслихэй.
Олн-эмтн түржэнэ,
Орн-нутг таржана.*

*Баю бай, баю бай,
Бичэ икэр өврцхэй,
Социализм бөкчэнэ,
Советмүд сержэнэ.*

*Баю бай, баю бай,
Борис Ельцин келжэнэ.
Баю бай, баю бай,
«Бүсэн чаңһа» гижэнэ.*

*Баю бай, баю бай,
Перестройк бүрдвэ.
Баю бай, баю бай,
Партыс ноолда эклвэ.*

*Баю бай, баю бай,
Эдн йосан булалдна.
Баю бай, баю бай,
Эгл улс түрлднэ.*

¹ Здесь и далее наш смысловой перевод.

*Баю бай, баю бай,
Бүсэн чаңһар бүслихэй.*

Лавкин тагмуд хоосрва,
Лавта жирһл хоцрва.

*Баю бай, баю бай,
Бүсэн чаңһар бүслихэй.*

Сибирь даасн маднда
Сүрдх юмн угала.

*Баю бай, баю бай,
Газетэн умшцхай.*

*Баю бай, баю бай,
Горбачеван сонсцхай.*

*Баю бай, баю бай,
Закадмуд түгжэнэ.*

*Баю бай, баю бай,
Забастовкс гүджэнэ.*

*Баю бай, баю бай,
Бүсэн цугтан чаңһацхай!*

Алван цагтнь өгчэцхэй,
Айта жирһлэн магтцхай!

*Баю бай, баю бай,
Бичэ һурниһэд бээхнч, хээмнь,*

Тавн үртэ эк цаачн
Талһан геечкэд уульж бээнэ...

В антиколыбельной песне калмыцкого поэта такое включение русской формулы «баю-бай» представляется уместным, тем самым актуализируется обобщенный, общесоюзный вектор адресата — взрослого читателя.

В 12 куплетах-четверостишиях «Современной колыбельной песни» Е. Буджалова колыбельный маркер припева организован своеобразно, каждая строка куплета начинается: «Баю бай, баю бай», создавая синтаксический параллелизм, а в отдельных куплетах (с 6 по 10) дважды через строку. В 48 строках текста этот припев используется 17 раз, составляя 35,4 %. Несмотря на такую частотность, смысловой эффект возникает противоположный настойчивому предложению лирического субъекта заснуть.

Автор в контексте своего произведения деконструирует характерные для канонического жанра архетипические мотивы: «все хотят спать, и ты спи», «все спят, и ты спи». Наоборот, выясняется: «никто не хочет спать, и ты не спи», «никто не спит, и ты не спи».

Императивным рефреном стал метафорический призыв в разных вариантах: *Бүсэн чаңһар бүслихэй* («Потуже затянем пояса»), *Бүсэн чаңһа гижэнэ* («„Затяни пояс“, — сказал»), *Бүсэн цугтан чаңһацхай!* («Все затянем пояса!») [Буджала Е. 1991: 1].

Первый рефрен определен политической и экономической ситуацией в стране: борьба партий, политических лидеров за власть, перестройка (коммунисты, Б. Ельцин, М. Горбачев), забастовки, пустые прилавки магазинов, экономический и продовольственный кризис (карточная система), обнищание народа, развал государства с

«парадом суверенитетов» некоторых союзных республик, межнациональными конфликтами.

Олн-амтн түржэнэ, / Орн-нутг таржана «Народ бедствует, / государство распадается» [Буджала Е. 1991: 1]. А для калмыков, по мнению поэта, в сравнении с тем, что народ пережил сибирскую ссылку (1943–1956), уже нет ничего страшного: *Сибирь даасн маднда / Сүрдх юмн угала* [Буджала Е. 1991: 1].

Упоминание имени Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева связано с тем, что процесс распада СССР начался с середины 1980-х гг., когда по его инициативе был взят курс на так называемую перестройку — реформы экономического ускорения, гласность и демократизация государственной и общественно-политической деятельности в стране. Несмотря на то, что по результатам всесоюзного референдума о сохранении СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, проведенного 17 марта 1991 г., свыше 76 % участников поддержали этот проект, тем не менее Новоогаревский процесс, нацеленный на подписание договора о создании Союза Суверенных государств, правопреемника СССР, так и не был завершен в связи с августовским путчем 1991 г.

Напомним, что стихотворение Буджалова напечатано 2 апреля после проведенного референдума, но до событий 18–21 августа, размещено на первой странице республиканской газеты, где обычно дают передовицы. Такая публикация, с одной стороны, подтверждала в определенной степени объявленную гласность и демократические процессы, с другой — выра-

жала тревогу и озабоченность тем, что происходило в стране.

Второй рефрен *Бичэ икар өврийхэй* («Сильно не будем удивляться») обусловлен отношением автора к тому, что пишут советские газеты, говорит Михаил Горбачев, призывает Борис Ельцин, тогдашний Председатель Верховного Совета РСФСР. Модель тоталитарной политической системы с кадровым застоём, моноцентризм, потеря в обществе авторитета Коммунистической партии, кризис идеологии социализма, коррупция, цензура, Афганская война и т. д. — все это и многое другое подрывало доверие народа к власти. Будучи беспартийным, автор констатирует партийную сумятицу: *Коммунистнр зовжэна, / Күндэн гееһэд түржэна* ‘Коммунисты переживают, / не могут между собой договориться’, ибо *Социализм бөкчэнэ, / Советмүд сержэна* ‘Социализм гаснет, / Советы просыпаются’ [Буджала Е. 1991: 1]. Именно поэтому поэт указывает на то, что законы в стране не соблюдаются: *Закадмуд түгжэна*, трудящиеся устраивают забастовки: *Забастовкс гүджэна* [Буджала Е. 1991: 1]. Но ничего не меняется к лучшему. Остается только вовремя платить налоги и славить такую «хорошую» жизнь: *Алван цагтнь өгчэцхэй, / Айта жэриһлэн магтхэй* [Буджала Е. 1991: 1].

Единственный раз в произведении использован глагол *сержэна* ‘просыпаются’ (калм. *серх* ‘проснуться’) в отношении Советов народных депутатов. В то время как в период перестройки политические партии не спят, начали борьбу за власть, простые же люди доведены до нужды: *Перестройк бүрдвэ. <...> Партьс ноолда эклвэ. <...> Эдн йосан булалдна. <...> Эгл улс түрднэ* [Буджала Е. 1991: 1]. Все описанные процессы сопровождаются припевом убаюкивания — и тех, кто наверху, и тех, кто внизу.

Это вызывает ассоциации с известным ленинским высказыванием о том, кто кого разбудил в России, кто ударил в колокол, призывая проснуться сограждан, а также вспоминаются пародии на то, что зря не надо будить народ — пусть себе спит: так спокойнее всем. Для современного читателя ирония стихотворной строки «Газетэн умшцхэй» («Читайте газету») вызовет в памяти совет профессора Преображенского доктору Борменталю не читать советских газет за обедом из повести М. Булгакова «Собачье сердце» (1925).

Символично завершение антиколыбельной песни: *Баю бай, баю бай... / Бичэ хурниһэд бээхнч, хээмнь, / Тавн үртэ эк цаачн / Талоһан геечкэд уульжэ бээна...* ‘Баю бай, баю бай... Не печалься, бедняга. Там мать пяти детей, потерявшая талоны, плачет...’ [Буджала Е. 1991: 1]. Такая детализация, казалось бы, частного бытового факта (потеря талонов — продуктовых / промтоварных) усиливается уточнением, что потеряла талоны многодетная мать (подчеркивается количество детей), которая в бессилии плачет, оставшись без социальной поддержки. Значимым является и завершение этой строки многоточием, т. е. можно много и долго рассказывать о том, что происходит в стране.

Следовательно, мотив маркировки адресата (власть и народ) и мотив отношения к адресату (сатирическое к власти и сострадательное к народу) представлены определенными образами — собирательными и персональными, разновекторными формулами-призывами: 1) потуже затянем пояса, 2) не будем сильно удивляться, 3) не будем печалиться, 4) будем читать газету, 5) слушать речи политиков, 6) славить такую жизнь. «Переходная» функция колыбельной песни поэта в данном случае транслирует «переходное» состояние государства, власти и народа, ситуацию опасности, неопределенного будущего, отнюдь не благополучного.

На наш взгляд, не случайным представляется выбор калмыцким поэтом такого жанра, в котором явлен синтез сатиры, сарказма, горькой иронии в форме колыбельной песни через антитезу: плач — слава, безмятежный сон — социальные протесты, прежняя жизнь — суровая современность, верхи — низы, бессонные — сонные, оппозиция «свой» — «чужой», время прошлое — время настоящее.

В тексте используется безэквивалентная лексика, передающая реалии того периода: коммунисты (*коммунистнр*), социализм, Советы (*Советмүд*), лавка (в значении ‘магазин’), газета, партии (*партьс*), перестройка (*перестройк*), забастовки (*забастовкс*), талон.

Анализ корпуса текста свидетельствует об отнесении его к жанру колыбельной для взрослых, антиколыбельной песне, в которой проецируются авторские мысли и чувства.

Пародия Морхаджи Нармаева «Буджала Егор залуд» («Мужчине Егору Буджалову», 1991) как ответ на антиколыбельную песню калмыцкого поэта

Если «Современная колыбельная песня» (1991) Егора Буджалова является единственной в жанре колыбельной песни для взрослых, антиколыбельной песни в калмыцкой лирике, то стихотворение Морхаджи Нармаева «Буджала Егор залуд» («Мужчине Егору Буджалову», 1991) — пародийным ответом на произведение младшего коллеги. При этом данная пародия имеет не характерный для калмыцкой литературной пародии сатирический дискурс, противостоящий оригинальному тексту, отрицающий его идейную сущность.

С современной точки зрения, «типология пародии определяется такими факторами, как техника пародирования, временная соотношенность, цели пародирования, объект пародирования, четкость границ жанра, доминирующая функция пародирования. <...> Границы жанра пародии амбивалентны, она находится в постоянном развитии и претерпевает различные модификации» [Лушникова 2010: 10].

Пародия как жанр является одним из индикаторов литературного процесса. Когда современники являются авторами пародии и пародируемого объекта, то это литературная полемика. Среди такой литературной полемики в калмыцкой лирике XX в. преобладает дружеская (дружелюбная, по классификации Вл. Новикова [Новиков

1989: 119]) пародия, рассмотренная в недавней статье [Ханинова 2019: 199–210]. Как правило, стихотворные дружеские пародии Гари Даваева, Тимофея Бембеева, Санжары Байдыева, Михаила Хонинова, анонимных авторов (Умшач, Арзин Хар) небольшого объема по сравнению с пародией М. Нармаева (в газетном варианте 97 строк без заглавия). Жанровая дифференция калмыцкими поэтами не всегда указывалась ни в названии, ни в подзаголовке пародийных текстов.

То же самое наблюдаем и в случае имплицитной пародии М. Нармаева — ее жанр автором не обозначен. Его ответ не заставил себя долго ждать: через почти полтора месяца, 15 мая того же года, стихотворение появляется в той же газете «Хальмг үнн».

Правда, ответ не одиночный. Публикация дана под общим заголовком как ответы двум калмыкам: «Хойр хальмгт өгсн хэрү. 1. Буджала Егор залуд. 2. Анжан Борис көвүнд» [Нармин М. 1991: 4].

Второй адресат — адвокат Борис Анджаев, представитель тогдашней оппозиции в Калмыкии. Мы не будем брать второе стихотворение во внимание, поскольку оно не имеет прямого отношения к антиколыбельной Буджалова.

Прежде чем обратиться к анализу первого ответа, приведем также текст полностью, так как это диалог двух поэтов разных поколений на страницах периодического массового издания, по существу, это еще и жанр открытого письма, только в стихотворной форме.

Буджала Андрейин Егориг
Баһаснь авн меднэвидн.
Үрвэд бээдг залу билэ.
Үгцж күүнлэ бэрлддго билэ.
Издательстин редактор болад,
Олн жилд көдллэ.
Чик-чилгр залу гиж
Цуһар энүг тоолдг билэ.
Ода яһв гихв.
Ондан күн болж одв.
Учрнь юундв гихв,
Ондаруллһн болжаснь энв?
Ниднэ эн Америк орад,
Нег цөөкн сард йовла,
Тенд бээсн элгн-садндан
Теңкән угаһар гиичлсн билэ.

Би түрж бээхшв.
«Социализм бөкжәнэ» — гижәнэ.
Сольснь юн болжахмб?
Социализмин утх-учрнь тер,
Соңсхас биш, тосхж йовсмб?
Учр меддго күн
Үгцлһнд яһад орлцдв?
«Коммунист», «Социализм» — гиснтн,
Келгдэд хуурсн үгмүд биш.
Халурхад болжах Егор
Хальмг хазгудын есаул болж.
Хойр талан дайлад
Харһсинь чавчхар йовхмб?
Бидн, Хальмг коммунистнр,
Негн бидн, негн.
Торһуд, дөрвд, бузав — гиж

Күр ямаран болсинь
 Күүнд, манд медгдхш.
 Зуг, тендэс ирснэ хөөн,
 Зүркнь талданар цоксн болв.
 Бичэч нертэ күн,
 Бичх зөв түүнэ,
 Зуг ямаран төрэр
 Зовх-зөдх учрар?
 Одахн «Хальмг үүнд»
 Өдгэ саатулын ду барлж.
 Юуна тускар тернь
 Ямаран учртаһар бичгдсмб?
 «Коммунистнр зовжана,
 Күндэн гееһэд түржэнэ», —
 Иигж поэт бичжэнэ.
 Эннь юн гисн үгв?
 Коммунист улсин жирһл,
 Кезэһэс нааран эн медсмб?
 Би коммунист,

Төрүц йилһцэн манд уга.
 Хальмг улсин үрдвидн,
 Хальмг, негл келтэ,
 «Хальмг» мана нерн.
 Хамг делкэ медг!
 Хэрнь, Егор, медич,
 Хазг болсарн бичэ карагл.
 Өрүн седклтэ хальмгуд
 Эврәннь ухаһан келцхэх.
 Ус үзлго, һосан
 Айстан тээлэд бээхм биш.
 Медрлтань — төрт орлцдмн.
 Мергнд гөрэс шахдмн.

Цаг гисн акад юмнж,
 Ца-цааһасн жигтэ юмнж.
 Төвкнүн бээснэ зөрмнь,
 Түүрчэд, босад иржэнэ.
 [Нармин М. 1991: 4]

Синтез послания, открытого письма и сатирической пародии в стихотворении М. Нармаева больше связан с политико-идеологическим контекстом антиколыбельной песни, чем с художественными особенностями текста, несмотря на частое цитирование буджаловских строк. Это первая в истории калмыцкой поэзии пародия на литературную колыбельную песню. Тем не менее, М. Нармаев, во-первых, пародирует буджаловское стихотворение, но не сам жанр; по нашему мнению, он даже не принимает во внимание его жанровую природу, хотя констатирует: *Одахн «Хальмг үүнд» / Өдгэ саатулын ду барлж. / Юуна тускар тернь / Ямаран учртаһар бичгдсмб?* ‘Недавно в «Калмыцкой правде» напечатали современную колыбельную песню. О чем и по какой причине она написана?’ [Нармин М. 1991: 4]. На это указывает также и то, что стихотворение начинается с характеристики поэта. Поэтому, во-вторых, пародируется даже не лирический субъект, а сам автор колыбельной песни для взрослых. Так, М. Нармаев называет его по имени, отчеству и фамилии, напоминает факты его биографии (многие годы работал редактором в книжном издательстве, был настоящим человеком, пользовался авторитетом в обществе), потом изменился. Передана метаморфоза и метафорой: *Зүркнь талданар цоксн болв* ‘Сердце по-другому стало биться’ [Нар-

мин М. 1991: 4]. И повлияла на это месячная поездка поэта в США к родственникам. Характер жанра послания М. Нармаева в данном случае обусловлен не только обращением к поэту, но и оценкой его личности, якобы изменившейся после поездки за рубеж, поэтому критически настроенной по отношению к отечественной современной действительности.

В-третьих, авторский стиль Е. Буджала тоже не является объектом пародирования — пародируется авторское мировосприятие, авторская интенция темы произведения, которая вызывает протест старшего товарища. Цитируются строки о том, что коммунисты переживают, потеряв свою силу (*Коммунистнр зовжана, / Күндэн гееһэд түржэнэ*), — / *Иигж поэт бичжэнэ*), задаются риторические вопросы (*Эннь юн гисн үгв? / Коммунист улсин жирһл, / Кезэһэс нааран эн медсмб?* ‘Это что такое? С каких пор он знает жизнь коммунистов?’) [Нармин М. 1991: 4], тем самым подчеркивается непартийная принадлежность коллеги. Возражая, оппонент утверждает, что сам он остается коммунистом, не испытывая никаких затруднений из-за этого. Далее, цитируя строки об упадке социализма (*Социализм бөкжэнэ* — *гигжэнэ*), поэт-коммунист полемически упрекает автора в том, что тот не имеет никакого представления о сущности социализма, только слышал о нем, но не строил (*Сольснь юн болжсахмб? /*

Социализмин утх-учрнь тер, / Соңсхас биш, тосхэж йовсмб?) [Нармин М. 1991: 4]. Это, конечно, некорректный аргумент. По мнению старшего товарища, не зная положения дел, зачем младший пререкается, ведь слова «коммунист», «социализм» не ушли в прошлое.

Иронизируя над принадлежностью Е. Буджалова к калмыцкому казачьему сословию (*Халурхад болжэх Егор / Хальмг хазгудын есаул болжэ. / Хойр талан дайлад / Харһсинь чавчхар йовсмб?* 'Разгоряченный Егор стал калмыцким казачьим есаулом. Теперь собрался всех встречных рубить <шашкой>?'), М. Нармаев призывает его одуматься: *Хазг болсарн бичэ карагл* 'Не ки-чись, что стал казаком' [Нармин М. 1991: 4]. Это тоже отсылка к биографическому факту — возрождение калмыцкого казачества в тот период. Всему этому М. Нармаев противопоставляет свое убеждение в том, что все калмыки едины, все коммунисты солидарны, все умные люди скажут, что думают.

Пожилой поэт-коммунист, ветеран войны, предостерегает младшего коллегу калмыцкой пословицей *Ус үзлго, һосан / Айстан тәәләд бәәхм биш* 'Не видя воды, незачем напрасно снимать сапоги' [Нармин М. 1991: 4].

Размышляя над сказанным, он приходит к выводу, что настало такое время, когда некоторые, прежде разумные, заблуждаются. Такая интерпретация исходного протослова определяет поэтику снижения, в данном тексте она имеет односторонний характер и направлена против позиции оппонента, содержит его «смеховую дискредитацию» [Иванюк 2009: 132].

Выводы

М. Нармаев вводит в чужое слово Е. Буджалова «смысловую направленность, которая прямо противоположна чужой направленности (отсюда здесь нарочито резкая ощутимость чужого слова)», по мысли М. М. Бахтина [Поэтика 2008: 159].

Гендерное подчеркивание адресата преследует авторскую цель: вразумить солидного мужчину-поэта, доказать, что он неправ, создав для взрослой аудитории песню, порочащую родину, коммунистов, социализм. Такая литературная полемика показала отношение двух поэтов разных поколений к политическим процессам накануне распада СССР. В течение последующих пяти месяцев их размышления, став для читателей объектом межкультурной коммуникации, по-разному подтвердились в жизни.

Следовательно, историко-литературный и реальный комментарий, сравнительно-сопоставительный и герменевтический подходы показывают, что, во-первых, антиколыбельная песня Е. Буджалова остается исключением в жанре литературной колыбельной песни, в основном адресованной младенцам/детям, во-вторых, социальная пародия М. Нармаева является единственным примером сатирической полемики с колыбельной песней для взрослых в пародийной парадигме калмыцкой лирики. Этим определяется новаторство двух текстов. Но, если в русской поэзии с Н. Некрасова («Подражание Лермонтову», 1845), социально пародировавшего «Казачью колыбельную песню» (1838) М. Лермонтова, началась новая литературная традиция [Головин 2006: 81], то в калмыцкой поэзии эта традиция не была продолжена.

Литература

- Буджала Е. 2005 — Буджала Е. Баю-бай // Волшебная музыка. Сб. детских песен для учащихся национальных классов (1–4 класс). Элиста: [б. и.], 2005. С. 25.
- Буджала Е. 1992 — Буджала Е. Баю-бай // Түрүн харада: дуудын хураңһу. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1992. Х. 23–24.
- Буджала Е. 1991 — Буджала Е. Өдгэ цага саатулин дун // Хальмг үнн. 1991. Апрель 2. Х. 1.
- Гасанов, Акавов 2011 — Гасанов И. А., Акавов З. Н. Колыбельные традиции Н. А. Некрасова в дагестанской поэзии // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 116–119.
- Головин 2000а — Головин В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Åbo Akademi University Press, 2000а. 451 с.
- Головин 2000б — Головин В. В. Русская колыбельная песня: фольклорная и литературная традиция: дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 319 с.
- Головин 2006 — Головин В. В. Н. А. Некрасов: три опыта в одном жанре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2006. Июль. С. 80–85.

- Иванюк 2009 — Иванюк Б.П. Сатирические и пародийные стихотворные жанры // *Филологос*. 2009. № 1–2(5). С. 126–136.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Лушникова 2010 — Лушникова Г. И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 43 с.
- Меркурьева 2015 — Меркурьева В. Б. Колыбельные для взрослых // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2015. № 3 (06). URL: <http://ce.if-mstuca.ru/wp-content/uploads/2015/03/merkuryeva.pdf> (дата обращения: 18.11.2021).
- Нармин М. 1991 — Нармин М. Буджала Егор залуд // *Хальмг үнн*. 1991. Майин 15. X. 4.
- Новиков 1989 — Новиков Вл. И. Книга о пародии. М.: Сов. писатель, 1989. 544 с.
- Поэтика 2008 — Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
- Тихомирова 2012 — Тихомирова Л. Н. Литературная колыбельная песня как жанр «ночной» поэзии // *Дергачевские чтения-2011*. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Мат-лы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Т. 2. С. 367–372.
- Ханинова 2019 — Ханинова Р. М. Дружеская литературная пародия в калмыцкой лирике XX в. // *Новый филологический вестник*. 2019. № 3 (50). С. 199–210.
- Ханинова 2020a — Ханинова Р. М. Колыбельная песня в калмыцкой лирике XX–XXI вв. // *Новый филологический вестник*. 2020. № 1(52). С. 187–203.
- Ханинова 2020б — Ханинова Р. М. Жанр колыбельной песни в калмыцкой лирике XX века // *Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)*. Мат-лы VII Междунар. науч. конф. (г. Москва, 17–19 декабря 2020 г.). М.: МАКС Пресс, 2020. С. 312–316.
- Khaninova R. M. Lullaby genre in 20th century Kalmyk lyrics. In: *Russian Literature of the 20th and 21st Centuries as a Continuous Process. Problems of Research Theory and Methodology*. Conference proceedings (Moscow; December 17–19, 2020). Moscow: MAKSS Press, 2020. Pp. 312–316. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Lullaby in Kalmyk lyrics: 20th–21st centuries. *New Philological Bulletin*. 2020. No. 1(52). Pp. 187–203. (In Russ.)
- Lushnikova G. I. Literary Parody: Cognitive and Linguostylistic Peculiarities Analyzed. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Kemerovo, 2010. 43 p. (In Russ.)
- Merkuryeva V. B. Cradle songs for adults. *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*. 2015. No. 3 (06). Available at: <http://ce.if-mstuca.ru> (accessed: November 18, 2021). (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Narmin M. To Mr. Yegor Budzhalov. *Khalmg ünn*. 1991, May 15. P. 4. (In Kalm.)
- Novikov V. I. The Book about Parody. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1989. 544 p. (In Russ.)
- Tamarchenko N. D. (ed.) *Poetics: A Dictionary of Actual Terms and Concepts*. Moscow: Kulagina; Intrada, 2008. 358 p. (In Russ.)
- Tikhomirova L. N. Literary lullaby as genre of 'night' poetry. In: *The 2011 Dergachev Readings. Russian Literature — National Development and Regional Peculiarities*. Conference proceedings. Yekaterinburg: Ural State University, 2012. Vol. 2. Pp. 367–372. (In Russ.)

References

- Budzhalov E. Bayu-bai. In: *The First Swallow*. Collected songs. Elista: Kalmykia Book Publ., 1992. Pp. 23–24. (In Kalm.)
- Budzhalov E. Contemporary lullaby. *Khalmg ünn*. 1991, April 2. P. 1. (In Kalm.)
- Budzhalov Ye. Bayu-bai. In: *The Magic Music*. Collected children's songs for ethnic classes (Grades 1 to 4). Elista, 2005. P. 25. (In Kalm.)
- Gasanov I. A., Akavov Z. N. Nikolay Nekrasov's lullaby traditions in Dagestan's poetry. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2011. No. 2. Pp. 116–119. (In Russ.)
- Golovin V. V. Nikolay Nekrasov: Three experiences in one genre. *Vestnik SPbGUKI*. 2006, July. Pp. 80–85. (In Russ.)
- Golovin V. V. Russian Lullaby in Folklore and Literature. Turku: Åbo Akademi University Press, 2000. 451 p. (In Russ.)
- Golovin V. V. Russian Lullaby: Folklore and Literary Traditions. Dr. Sc. (philology) thesis. St. Petersburg, 2000. Available at: <https://documentsite.net/223353> (accessed: November 18, 2021). (In Russ.)
- Golovin V. V. Russian Lullaby: Folklore and Literary Traditions. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. St. Petersburg, 2000. 60 p. (In Russ.)
- Ivanyuk B.P. Satirical and parody poetic genres. *FILOLOGOS*. 2009. No. 1–2(5). Pp. 126–136. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Kalmyk lyrical poetry of the 20th century: Friendly literary parody. *New Philological Bulletin*. 2019. No. 3 (50). Pp. 199–210. (In Russ.)